

Анастасия СЕРГЕЕВА

БЕЗЫМЯННАЯ ЛИ ЧАСТОТА?

Рецензия на книгу Ивана Денисенко «На безымянной частоте»

...хфшхфшхшфххщцщшжзсзсз...всеминемногорадисты...хфшхфшхшфххщцщшжзсзсз
...безымянная частота...хфшхфшфшфшфххщцщшжзсзсз...бортовой журнал...хфшхфшхшфххщц
шжзсзсз...сигнал...хфшхшфххщцщшжзс...благодарю...хфшхфшхзсзсз...бесценны...ххщцщшжзсз
...три...две...хфшзсж...одна...фзс...эфир!

У меня в руках книга Ивана Денисенко «Безымянная частота», на которую (и частоту, и книгу) удалось настроиться не сразу. Стихи И. Денисенко философичны, свое- и волнообразны, поэтому иногда приходится не просто вчитываться, а заныривать в них (благо, в книге много стихов о море), чтобы понять, проникнуться.

Видимо, и автору было нелегко при написании, составлении книги, попытке нащупать нужную частоту: «Ищу одну среди множества частот, / Отсеивая гулкие тамтамы...», «Сигнала нет, / Антенны съела ржа...», «И я стираю сеть координат, / сбиваю точки, отменяю связи...», «Всего-то и делов – найти в потоке / вселенских излучений и частот / сигнал, который выведет в итоге...», но всё-таки автор (лирический герой) находит свою (безымянную ли?) частоту:

Очень может быть, что сигнал во мне:
сам с собой сейчас выхожу на связь,
пребывая сразу во многих вне,
как константа Пи, в никуда дробясь.

Подобные «вне» и «в никуда» мы часто встречаем на страницах «Безымянной частоты», у автора очень своеобразное представление о пространстве, которое ведёт себя достаточно вольно, даже пренебрежительно по отношению к общепринятым понятиям о нём: «Мир жил и, видишь, как-то выжил, / хотя пространство стало уже...», «И простор отчаянно узок, / и смертельно тесен местами ...», «Всё время ветер, но провисли / просторы серой мешковиной...», «я десять солнц и девять лун надену / на ниточку от севера до юга...», «Тени пространства торопятся слиться, / непостижимо длинны...», «И я, бредущий к небу напрямик, / по сухотравью, вставшему ершисто...», «Я подступаю к краю пустоты...» и т.д.

Автор часто размышляет о категориях пространства и времени, переходе одного в другое: «И заполняет снег мои следы / в расплывшемся по времени пространстве...», «Застыну, инкрустированный в миг, / который никогда не завершится...», «Я житель и смотритель маяка, / на полдороге от зари к закату...», «Сквозь стены, и заботы, и века...», «Пора признать, что новое пора / стоит внизу, у самого порога...», «и время, им сожжённое дотла, / текло в окно и становилось ночью...», «Время закончилось, формы оплыли, / в землю втянулись холмы. / Дремлют дома из спрессованной пыли. / Десять минут до зимы...» и т.п.

Очень разнообразно и интересно представлена категория времени, которое то «замерло, вполне возможно, что до марта», то «несётся суматошно, бесполезно и равнодушно»; иногда оно даже имеет консистенцию: «время чем полнее, тем пустей, / и напротив – чем пустей, тем гуще», иногда выступает в качестве материала: «и время, им сожжённое дотла, / текло в окно и становилось ночью», «жена... прячет время в реплики и рисунки, переводит в линии и слова...», «Мы рождены, чтоб время сделать пылью...», а иногда становится конкретным, вещественным предметом: «Это время, игрушка языческих прях, прогорая, бросает на ветер свой прах».

С особым вниманием, иногда даже теплом, поэт относится к минутам, «не думает о них свысока», очеловечивает их: «и в короткой вечной минуте той / научился не быть нигде...», «о том, что за отсутствием минут / часы считают ягоду в пиалах», «Я в детстве не считал минут / и оттого был неприметлив...», «Что встал, увы, не с той минуты, / не с той ноги, не с той планеты...», «Тихо плыву на обломке минуты, / стрелкой секундной гребя...», «Дыханье ускользящей минуты...».

Порой автор играет даже не философской, а грамматической категорией времени: «Лучшее, что могу, / я напишу вчера».

И, конечно, складывая годы «в единую сумму», понимая, что «время злее, чем в драке обух», лирический герой стремится остановить время: «Тихо сбрасывать пригоршни лет, / разрывая их, точно бинты», что ему в результате удаётся: «Всё это странно, необъяснимо: / мы, продолжаясь, не убываем».

Очевидно, что мотив времени и пространства является одним из основных в книге Денисенко, что не смогло не отразиться и в названии одного из разделов – «Признаки среды», который я бы, скорее, назвала «Признаки времени», хотя средой можно считать и определённое место в определённом времени. Справедливо возникает вопрос: так что же автор считает признаками «среды»? Судя по стихотворениям, собранным в этом разделе – погоду, город, погоду в определённом городе? Размышляя над этим, «дохожу» до стихотворения, начинающегося со следующих слов: «По некоторым признакам уже среда...». И все мои предположения рушатся, не успев достроиться. Этаким эффектом обманутого ожидания.

Это не первый случай, когда поэт обыгрывает названия разделов книги.

Так же и раздел «Зима в квадрате» представлялся мне чем-то очень геометрическим, а метафорически – зимой везде и всюду: на улице, в душе, в жизни. Но опять же выяснилось, что всё не настолько однолинейно, как показало стихотворение, завершающее этот раздел и всю книгу вообще:

Воспоминанья мои упрямы,
из многих прочих войдёт в тетради
зима в квадрате оконной рамы,
зима в квадрате, зима в квадрате.

Стихотворения Денисенко очень «сезонные», поэт не обошёл вниманием ни одно время года. Зима у поэта бывает и «негодной»: «Погоды не было негоднее, в ней жизнь, как мякиш, размокала...», и очень человеческой (очеловеченной ли?): «На плечи отступающей зимы / ложится свет, как золотая риза. / Зима утешно шепчет, что и мы / однажды, вероятно, повторимся». Весна, как и положено в России, больше похожа на зиму: «Холодная весна. Земля тверда. / В ней саженцы, как колья или клинья...». Среди всего этого холода и бесцветья понятны строки о лете: «Мне кажется, что лето – это чудо, / а больше ничего уже не кажется», «И ночь свежа и город с ней / упорно грезит летом». А осень – это место, где поэт нашёл любимую «как находят тот цветок, что бывает в сказках».

Кроме знакомых нам с вами четырёх времён года поэт пишет ещё об одном, пятом: «Я читал, будто год состоит из четвёрки времён, / а о пятом, в котором живу, не встречал ни строки...». Лирический герой часто оказывается в некой промежуточности, из чего открывается нам ещё один важный мотив поиска себя, своего времени, своего места, причём не только в этом мире, но и «на берегах других планет»: «Я сам, наверное, что-то упустил, / пока пытался разобраться, где мы...», «А что ещё тут скажешь, разве ж / не выпал снова из контекста?», «Я в столетье, может быть, был некстати...», «Сколько помню, прежде я стал никем, / ну а только потом – собой...». Возможно, поэтому нередко встречается образ черновика как чего-то пробного, незаконченного, неопределённого в жизни: «На всём лежит печать черновика...», «Дома с геранью на окне, / с черновиками там и тут...», «Рыхлый, как черновик, но вполне готовый по здешним меркам» и т.п. В процессе поисков лирический герой (ЛГ) оказывается в суете, замоте, сталкивается с тщетностью, бессмысленностью того, что он делает, он не уверен, достигнет ли цели: «Но зато не притворяясь, / будто всё в порядке, будто / очень круто жить без пауз / да притом ещё без бунта...», «Вокруг пути, ведущие от цели, / и множество бессмысленных задач», «Так много дел, чья внутренность пуста, / а оболочка плавится от пыла, / дел, о которых много лет спустя / скажу одно: “Как жаль, что это было”», «Время до цели узнаю у цели, / если добраться смогу». Но в итоге ЛГ приходит к выводу, что важно нечто другое: «Я пытаюсь понять, не кто я, / а что я могу изменить... Я пытаюсь понять, не где я, / а что я вообще могу».

...хфшхфшхшфххщшшжзсзс...главное...хфшхфшхшфххщшшжзсзс...непросто...хфшх
фшфхшфххщшшжзсзс...пойматьволну...хфшхфшхшфххщшшжзсзс...частоту...хфшхшфххщ
шшжзс...

Главное, не просто настроиться на определённую частоту, а уметь стабильно удерживать её. И тут уже не обойтись без «инструментов». Вот если в песне группы Ундервуд «радиоточка ловит волну от радиозапятой», то у Денисенко волна ловится от других «радиоисточников», но тоже очень лингвистических: звуков, фонем, букв, слов, фраз, строк, стихов и т.д.: «Вокруг меня опять контора. / Я рассыпаюсь на фонемы», «Я прочистил мозг и смысл с языка / чёрный прах равнодушных букв...», «Переполнен словами, снами...», «В любом из этих снов, в любой из этих строк...» и т.п.

Иван Денисенко не только как поэт, но и как филолог, знает ценность и силу слова, поэтому мы можем увидеть «слово» в разнообразных ролях: «Разлетаются картечью слова...», «Я словом, словно пламенем, объят...», «Когда гляжу назад, глубокие следы – / как первые слова на чистом развороте», «И лишь через слова даётся мне / всё то, что нужно, чтобы сделать вдох». Так же необычны и яркие образы поэтических строк, стихов: «Латунный блеск отточенной строки», «Тяну километры строк / (ищите меня по ним)...», «Я засыпал, как стих твой, недосказан, / уже не в силах что-либо добавить...», «Слова приходят – тут, как и везде, / процесс тенденциозен; темой этой / стихотворенья родственно звезде, / которая восходит над планетой...». Автор иронизирует: «Возможно, образ мог бы быть и чётче, / зато никто не скажет, что необразно». Поэт подчёркивает значимость, «плодородность» книги: «душа неприхотливая моя, проросшая, как зёрнышко, из книг».

Тематически книга очень разнообразна, при этом очень логично продумана и выстроена – тематика стихотворений плавно перетекает из одного раздела в другой, так, например, море присутствует не только в разделе «Море во мне», оно вливается в него из предыдущего раздела, перетекает в последующий – «Дорога через дождь», который, в свою очередь, проливается дождём в последующий – «Признаки среды», и эта среда проникает в другие стихотворения и разделы.

Темой и образом моря проникнуты многие стихотворения, мы видим море как фон событий: «Он летит над морем, летит над морем / в серебристой мгле перелётных рыб...»; как объект повествования: стихотворение «На самой дальней из окраин...», как субстанция, преобразующая нас: «Всё забывается по мере / того, как в нас вползает море...», как что-то недостижимое: «там море, отложенное на потом, / там жизнь, отложенная навсегда». Нередко и сам лирический герой оказывается в море: «но на самом деле я – на бревне / где-то в море, и вокруг снегопад...», даже желает породниться с ним: «смотрю, как небеса вдали горят, / и понемногу делаюсь фрегатом».

Возможно, именно этот сквозной образ моря создает особое цветовое впечатление после прочтения книги, некое послевкусие, точнее – послецветие. Но это только ощущение, потому интересно рассмотреть всю цветовую палитру стихов, собранных в данную книгу, в первую, очередь, статистически. Попробуем разобрать эту палитру и слова-цвета, из которых она состоит. Говоря о цветовой лексике, мы сейчас не принимаем во внимание слова, не являющиеся названием цветов, но отсылающие к ним, такие как снег, кровь, вишня, светофор и т.д. Наиболее частотные цвета, встречающиеся в книге пять и более раз: серый – 16, синий (голубой) – 11, жёлтый – 10, белый – 9, зелёный – 5. Таким образом, мы видим, что ощущение практически совпало с реальной картиной, за исключением «жёлтого» и «белого», но, видимо, это объясняется обилием стихотворений о солнце, свете, луне, снеге и т.д.

Также любопытно сравнить цвета стихотворений, создаваемые лексическими и фонетическими средствами, для чего можно обратиться к калининградской фонологической школе, в частности к методике А.П. Журавлёва, автора популярной книги «Звук и смысл», соотносящего гласные русского языка с определёнными цветами (на основе представительного исследования коллективных ассоциаций). Для эксперимента выберем наиболее «яркие», «цветные» стихотворения. Итак, фоносемантический анализ пейзажного стихотворения «Мартовский этюд», показал, что в тексте преобладают синий и красный цвета (превышают норму в два и полтора раза соответственно). Неудивительно, ведь в этом произведении трижды упоминается «синева», встречаются такие слова как «красный», «медвяный», «вишни». А в другом, «морском», стихотворении «Волны пели песню, плелась

строка...», преобладают тёмно-синий, коричневый, белый/светло-жёлтый цвета. Что объясняется описанием моря, песчаного берега и гор. Таким образом, становится понятным появление так называемого «послецветия», ведь оно создаётся не только на лексическом, но и на фонетическом уровнях.

Конечно, кроме образности и разноцветности нельзя не обратить внимание на технические достоинства стихов Денисенко. Автор использует разнообразную и интересную рифму: плюс – тороплюсь, страниц – посторонись, дело – холодело, воздух – бесхвостых, ершисто – завершится, загона – законно; редки случаи банальной ассонансной рифмы, зато часто можно встретить изысканную составную рифму: тяжело в них – шиповник, пляжах – блажь их, вы едва ли – выпивали, о том он – утонем, подыграв ей – фотографий, должно быть – копоть, «фу ты, ну ты» – минуты, венце ли – к цели, якоря там – рядом; или усечённую рифму: вмещён – ещё, наст – нас, и там – чернота, замочной – заочно и т.д.

Также одним из частотных приёмов является повтор – действенное средство усиления смысла текста, его экспрессии, даже аранжировки. Причём автор использует повтор на различных уровнях: повтор слова, фразы, образа, анафоры, эпитеты, синтаксический параллелизм – создавая таким образом особую композицию произведений: «Всё это – не уже, всё это – не ещё, / Всё это пузырьки в тающей толще льда», «И этот миг непостижимо длится. <...> И этот миг непостижимо долог...», «Всё слишком быстро, слишком быстро. / Планета кажется непрочной. / В фонарном свете серебриста / вода, не принятая почвой. <...> Она не помнит то, что было, / она жуёт без перерыва. / Всё слишком быстро, слишком быстро – / и временами слишком криво», «и серый кот, бегущий краем лужи, / менял то траекторию, то угол. <...> И лунный диск, бегущий краем тучи, / сносило, словно плот на переправе» и т.д.

Благодаря мастерству автора чётко и полно прописывать образы я смогла вполне реально увидеть, как кот и луна передвигаются параллельно друг другу. И подобными яркими, «полнометражными» образами, которые, зацепляясь, остаются в памяти, насыщены многие стихи поэта: «незванный гость, пришедший из зари, / свалившийся, как шапка с антресоли...», «Я по снежинкам лезу к небесам...», «Проходит кот с вальяжностью туриста...», «И целый мир пятиэтажен...», «Ложится снег на серые дома, / расплывшиеся кляксой гематомы...», «Там чайки, как я, упивались волнами, / слетая с причала, как стружка с надпила...», «Дом напротив спит, и целый город / сделал шаг и стал ужасно тёмным...», «И со свечью выглянул к луне, / сощурившейся с неба близоруко...» и т.д.

Хочется продолжать и продолжать делиться «вкусным», но что-то же надо оставить, «отложить на потом», да и, думаю, каждый прочитавший книгу «Безымянная частота» найдёт что-то, на что откликнется его вкус, ведь так же естественно, и, на первый взгляд, легко, как «извлекать из конфорок бутоны огня», автору удаётся извлекать из окружающего его мира – поэзию, и будет удаваться, пока он будет находиться на определённой, но совсем не безымянной частоте – на частоте Ивана Денисенко.